

СОЛНШЕ РОССИИ

ДЕСЯТИЛѢТІЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

ВОЛНЦЕ ГОБВИ

ВСЕВЫШНИМЪ ПРОМЫСЛОМЪ ВРЪУСИНОЕ МНѢ ПОПЕЧЕНІЕ О
БЛАГѢ ОТЕЧЕСТВА ПОБУДИЛО МЕНЯ ПРИЗВАТЬ КЪ СОДѢЙСТВІЮ ВЪ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РАБОТѢ ВЫБОРНЫХЪ ОТЪ НАРОДА.

СЪ ПЛАМЕННОЙ ВѢРОЙ ВЪ СВѢТЛОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ Я ПРИ-
ВѢТСТВУЮ ВЪ ЛИЦѢ ВАШЕМЪ ТѢХЪ МУЖИХЪ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫХЪ Я
ПОВЕЛѢЛЪ ВОЗЛЮБЛЕННЫМЪ МОИМЪ ПОДДАННЫМЪ ВЫБРАТЬ ОТЪ СЕБЯ.

ТРЕДНАЯ И СЛОЖНАЯ РАБОТА ПРЕДСТОИТЪ ВАМЪ. ВѢРЮ, ЧТО
ЛЮБОВЬ КЪ РОДИНѢ, ГОРЯЧЕЕ ЖЕЛАНІЕ ПОСЛУЖИТЬ ЕЙ ВОДОУШЕ-
ВЛЯТЪ И СПЛОТЯТЪ ВАСЪ.

Я ЖЕ БУДУ ОХРАНЯТЬ НЕПОКОЛЕБИМЫМИ УСТАНОВЛЕНІЯ,
МНОЮ ДАРОВАННЫЯ, СЪ ТЕСЕРОЮ УВѢРЕННОСТІЮ, ЧТО ВЫ ОТДА-
ДИТЕ ВСѢ СВОИ СИЛЫ НА САМООТВЕРЖЕННОЕ СЛУЖЕНІЕ ОТЕЧЕСТВУ
ДЛЯ ВЫЯСНЕНІЯ НУЖДЪ СТОЛЬ БЛИЗКАГО МОЕМУ СЕРДЦУ КРЕСТЬ-
ЯНСТВА, ПРОСВѢЩЕНІЯ НАРОДА И РАЗВИТІЯ ЕГО БЛАГОСОСТОЯНІЯ,
ПАМЯТУЯ, ЧТО ДЛЯ ДУХОВНАГО ВЕЛИЧІЯ И БЛАГОДЕНСТВІЯ ГОСУДАР-
СТВА НЕОБХОДИМА НЕ ОДНА СВОБОДА, НЕОБХОДИМЪ ПОРЯДОКЪ НА
ОСНОВѢ ПРАВА.

ДА ИСПОЛНЯТСЯ ГОРЯЧІЯ МОИ ЖЕЛАНІЯ ВИДѢТЬ НАРОДЪ МОЙ
СУЧАСТЛИВЫМЪ И ПЕРЕДАТЬ СЫНУ МОЕМУ ВЪ НАСЛѢДІЕ ГОСУДАР-
СТВО КРѢПКОЕ, БЛАГОУСТРОЕННОЕ И ПРОСВѢЩЕННОЕ.

ГОСПОДЬ ДА БЛАГОСЛОВИТЪ ТРУДЫ, ПРЕДСТОЯЩІЕ МНѢ ВЪ
ЕДИНЕНІИ СЪ ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ СОВѢТОМЪ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМОЮ, И ДА ЗАМѢНИТЕСЯ ДЕНЬ СЕЙ ОТНЫНѢ ДНЕМЪ ОБНОВЛЕНІЯ
НРАВЕСТВЕННАГО ОБЛИКА ЗЕМЛИ РУССКОЙ—ДНЕМЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ ЕЯ
МУЖИХЪ СИЛЪ.

ПРИСТУПИТЕ СЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ КЪ РАБОТѢ, НА КОТОРУЮ Я
ВАСЪ ПРИЗВАЛЪ, И ОПРАВДАЙТЕ ДОСТОЙНО ДОВѢРІЕ ЦАРЯ И НАРОДА.

БОГЪ ЕСТЬ ПОМОЩЬ МНѢ И ВАМЪ

*Слова Государя Императора, произнесенныя при открытіи 1-й Государственной Думы
въ Зимнемъ Дворцѣ 27-го Апрѣля 1906 года.*

День 27 апреля 1906 года — это один из самых лучших исторических дней России. Это яркий, солнечный день расцвета русских народных надежд. Россия в этот день была вся, как весенняя юбоня, покрытая ибжыми, розовыми дафтами.

Цвѣты потому облетѣли, — иначе, вѣдь, и не бываетъ, — но плодъ завязался, и, почти незаметный, среди бурь и невзгодъ, сталъ зрѣть и наливаясь. Сейчас онъ еще не созрѣлъ; въ немъ еще много и горечи, и кислоты; кто его пробоуетъ, тотъ морщится и не одобряетъ. Но пройдетъ еще 10 дѣтъ, и онъ вполне созрѣетъ.

Тогда свяжутся концы с началами,—тогда все станет понятно и ясно, и мы будем вспоминать яркие даты, долбичные раскрывшиеся 27 апреля 1906 г., не с горечью сожаления, что они отжили, а с радостью удовлетворения, что они принесли свой плод.

Этот плод—русское народное представительство. Теперь его возраст—одно десятилетие, но оно будет жить века.

И его прекрасным, лучезарным началом навсегда останется яркий, солнечный день 27 апреля 1906 года, которому радовались люди, которому радовалась сама природа.

Николай Гребенский

Нингеску

Президіумъ 1-ой Государственной Думы.

1) Председатель—С. А. Муромцев; 2) тов. предс.—князь И. Д. Полгорукоев; 3) тов. предс.—Н. А. Гребескуз; 4) секретарь—князь П. И. Шаховской; товарищи секретари: 5) проф. О. О. Кокошкин, 6) проф. Г. Ф. Шершеневич, 7) Ш. А. Понятовский.

Десять лет в жизни человеческой — большой срок. Мы за последнее десятилетие это особенно ощутили, видя рбдлющие ряды крупных русских людей...

Но в жизни учреждений—этот срок невелик, почти мгновенное, и, проживши 10 лет, наша Гос. Дума стоит еще на пороге своего развития и укрѣпленія. И все же самый фактъ ея учрежденія и существованія важен и огромен, какъ залогъ будущаго свободнаго развитія народнаго духа.

Членъ Госуд. Думы III и IV созыва

Г. Ковалевскій —

H. Kaproeb

Въ Царствѣніи Императора Николая II
сейчасъ великіе сдѣлались исторіи Россіи:
первая — это дарованіе народного предвѣдѣнія,
вторая — утвержденіе престола и скоро-
будущаго и преемства — свершеніе и
Германскаго.

Государственной Думы-Войс-
заводъ Восточной Россіи подъ
Симбирскъ Царя Россійскаго
Д. Круженскій
1886.

Первая Государственная Дума.

(Историческая справка).

Въ самый день обнародованія положенія о такъ называемой булыгинской законосовѣщательной Думѣ (6 авг. 1905 г.) у меня случайно собрались за обѣдомъ Н. О. Анненскій, П. Н. Миллюковъ, Д. И. Шаховской и еще кто-то. Разумѣется, разговоръ только и шелъ, что объ этой новости, по частнымъ свѣдѣнiямъ давно, впрочемъ, ожидаемой и даже извѣстной въ своемъ существѣ. Всѣ сходились на томъ, что положеніе о Думѣ не удовлетворяетъ самымъ скромнымъ общественнымъ ожиданiямъ; но затѣмъ возникъ вопросъ: какъ отнестись къ ней на практикѣ? Н. О. Анненскій нѣсколько уклончиво высказался, что у него по этому вопросу еще не составилось опредѣленнаго мнѣнія. Напротивъ, П. Н. Миллюковъ выразился, приблизительно, такъ: «Независимо отъ того, что можетъ дать чисто агитаціонная работа въ связи съ выборами, къ которымъ были велики недостатки новаго правительственнаго акта, все же слѣдуетъ приложить всѣ усилія, чтобы возможно полнѣе использовать то, что въ немъ является нѣкоторой уступкой общественной самодѣятельности».

Споры на эту тему заняли цѣлыхъ два мѣсяца, до самаго 17 октября. Припоминаю, наприимѣръ, одно собраніе въ В. Э. Обществѣ; ораторомъ докладчикомъ выступилъ В. В. Водопозовъ. Разобравши положеніе 6 августа, онъ поставилъ вопросъ: слѣдуетъ ли принимать участіе въ выборахъ? И отбѣчалъ, — надо принимать, но при этомъ держаться такой тактики: явившись въ Думу, заявить, что она не признается, и уйти. Торжества консерваторовъ опасаться не стоитъ, такъ какъ оно ничего въ положеніи вещей не измѣнитъ, нисколько не укрѣпитъ старый режимъ. Вотъ почему, если гдѣ-нибудь будутъ баллотироваться два кандидата, — консерваторъ и либераль, радикалы должны подавать голоса за консерватора. Потому что, если большинство составитъ изъ такъ называемыхъ либераловъ, то между ними и правительствомъ можетъ состояться соглашеніе, и тогда Дума упочитъ, какъ это и случилось въ Пруссіи съ октроированной конституціей 1849 г., существующей до сего дня.

И. И. Петрункевичъ,
членъ I Гос. Думы, первый по открытіи Думы, 27 апрѣля 1906 года,
произнесшій въ ней рѣчь.

Земля и воля — у насъ

и во всемъ.

И. И. Петрункевичъ

4 апреля

1916 г.

Начало лѣта 1906 года. Мнѣ по личнымъ дѣламъ пришлось изъ Ростова-на-Дону прѣхать въ Петербургъ. Въ Таврическомъ дворцѣ первая Дума. Спѣшу туда. Вызвалъ А. П. Хартохая, предшественника моего по представительству отъ Ростова и Нахичевани. Прощу билета, чтобы войти въ нашъ парламентъ, съ которымъ столько связано надеждъ у русскаго народа, за который принесено въ прошломъ столько жертвъ.

На хорахъ душно. Ловится каждое слово. На трибунѣ деп. Петрункевичъ доказываетъ, что Дума не можетъ и не должна обращаться съ воззваніемъ къ странѣ въ отвѣтъ на обращеніе правительства къ ней по аграрному вопросу. Перерывъ. Я въ кулуарахъ. Въ первой Думѣ между хорами и кулуарами было самое живое общеніе. Съ какимъ любопытствомъ я разсматриваю депутатовъ, съ какимъ волненіемъ знакомлюсь съ тѣми, кто своимъ прошлымъ, а кто настоящимъ, сталъ признаннымъ защитникомъ народныхъ правъ. Конечно, я и не предполагалъ тогда, что черезъ нѣсколько дней Дума первой не станетъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я приду сюда, но уже не зрителемъ, а въ числѣ дѣйствующихъ лицъ.

Вторая Дума. Это одна изъ самыхъ трагическихъ страницъ не только нашей исторіи, но, можетъ быть, и мировой. Страна высала въ защиту своихъ стремленій и требованій самыхъ свѣдѣхъ изъ сыновъ своихъ, а сама лежала растоптанная, безсилая передъ оправившейся отъ перваго испуга реакціей.

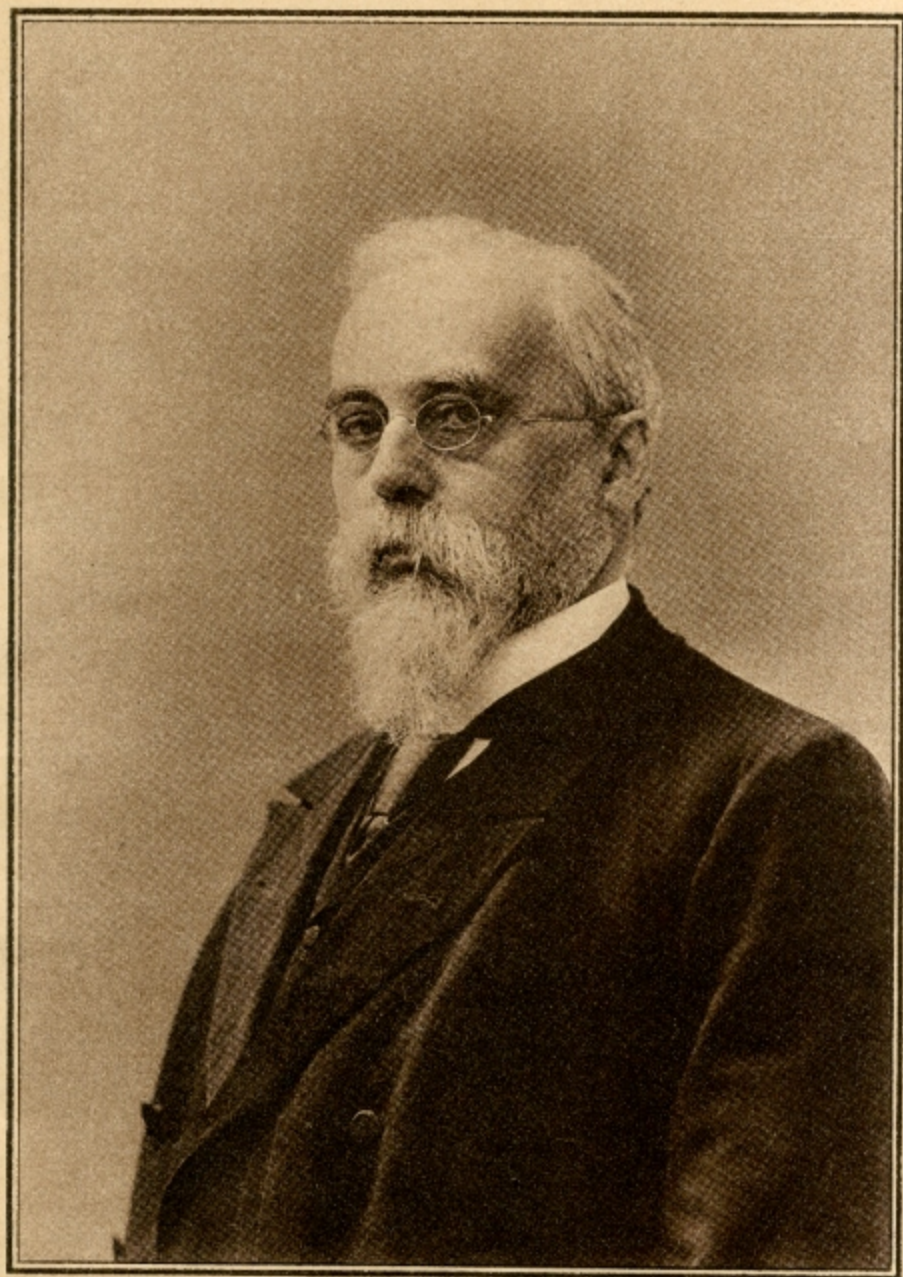
Обрушился потолокъ въ Таврическомъ дворцѣ. Мы засѣдали въ залѣ Дворянскаго собранія на красныхъ бархатныхъ креслахъ Г. Совѣта. На трибунѣ деп. Церетели. Онъ громитъ правительство «полевыхъ судовъ». Ему отбѣчаетъ Столыпинъ: «не запугаете». Залъ чувствуетъ, что въ этомъ столкновении революціи съ реакціей, послѣдняя — побѣдитъ. Благородный отважный Церетели былъ обреченъ, обречена была и вторая Дума. Пасть распустили.

Третья Дума. Медовый мѣсяцъ третьестолетняго большинства. Сколько ненависти принесли съ собою эти первенцы новаго избирательнаго закона. На трибунѣ — Родичевъ. Онъ говоритъ съ огромнымъ подъемомъ. Большинство, сдерживая негодованіе противъ оратора, угрозою хранитъ молчаніе. Фраза «Столыпинскій галстукъ» выводитъ большинство изъ этого состоянія. На Родичева бросаются справа и съ центра. Я не забуду никогда фигуры покойнаго Плевако, съ поднятыми кулаками бѣгущаго къ наездѣ.

Теперь, когда у насъ прогрессивный блокъ, съ трудомъ вѣрится, что это было возможно и что это было такъ недавно...

Война все измѣнила. Открыла глаза и тѣмъ, на кого ставилъ ставку законъ 3-го іюня.

М. Родичевъ

С. А. Муромцевъ,
Председатель Первой Государственной Думы.

С. А. Муромцев (11 лет).

стию въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соответствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые были совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ засимъ далѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку,

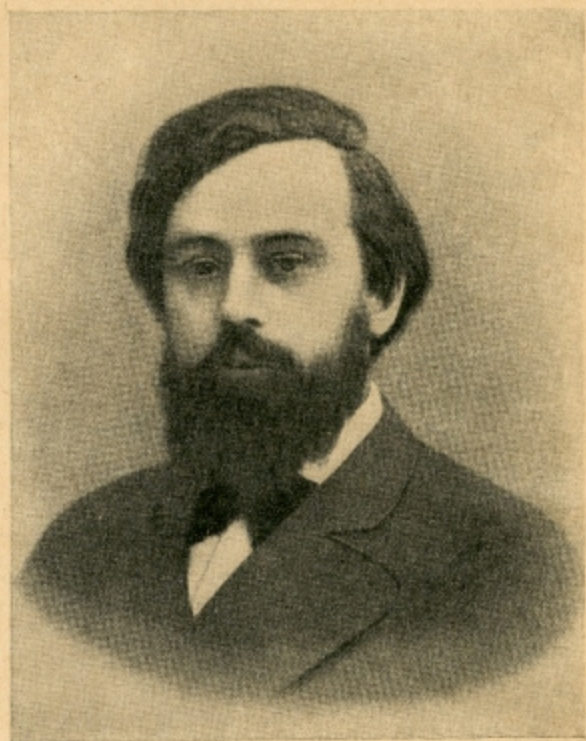
и 3. Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думой и чтобы выбираемымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ властей.

Для проведенія въ жизнь этого манифеста былъ призванъ къ власти гр. С. Ю. Витте. Онъ сформировалъ чисто бюрократическій кабинетъ, хотя и съ нѣкоторымъ либеральнымъ оттѣнкомъ. Но участіе въ немъ на самомъ боевомъ посту П. Н. Дурново, скоро послѣдовавшая отставка Н. Н. Кутлера и замѣна м. юстиціи Манухина Акимовымъ, все это подрывало довѣріе

а избыточно появлявшіяся «временныя правила» о печати, собраніяхъ, союзахъ и по другимъ вопросамъ первостепенной важности далеко расходились съ тогдашнимъ настроеніемъ даже умѣренныхъ круговъ. Въ то же время значительная часть Россіи находилась подъ дѣйствіемъ исключительныхъ законовъ. Потому неудивительно, что манифестъ 17 октября не повелъ къ «прекращенію смуты» и овозстановленію тишины и мира на родной землѣ. Нѣтъ, стачечное движеніе приняло эпидемическій характеръ, а волненія аграрныя—прямо разрушительны. Аресты, экзекуціи, карательныя экспедиціи—все было пущено въ ходъ и не давало желаемыхъ результатовъ, скорѣе наоборотъ.

Но что всего болѣе поддерживало смуту, такъ это край-

няя затяжка въ производствѣ выборовъ и созывѣ Думы; вѣдь отъ 17 октября до 27 апрѣля прошло цѣлыхъ полгода; между тѣмъ въ Пруссіи въ 48 г. на все это понадобилось только два мѣсяца. Эта затяжка, совсѣмъ непонятная для людей съ общественнымъ темпераментомъ, не только порождала постоянныя толки, что Дума и совсѣмъ не будетъ созвана, но и вызвала фантастическій проектъ, усердно пропагандированный «Русью», о самочинномъ производствѣ выборовъ и открытіи Думы. Въ то же время сказалось теченіе бойкота

С. А. Муромцевъ (1877 г.).

выборовъ, такъ какъ новое положеніе о Думѣ отъ 20 февраля не было построено на четырехчленной формулѣ, а положеніе о Государственномъ Совѣтѣ считалось совершенно неприемлемымъ. Однако, ни пропаганда «Руси», ни идея бойкота успѣха не имѣли.

Во всей дѣятельности кабинета общество не видѣло «прямоты и искренности въ утвержденіи на всѣхъ поприщахъ даруемыхъ населенію благъ гражданской свободы и установленія гарантій сей свободы», какъ то заявлялъ Витте 17 октября въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, на которомъ Государю угодно было написать: «принять къ руководству».

Постепенно гр. Витте терялъ свой кредитъ даже въ умѣренныхъ кругахъ. Въ немъ дѣйствительно не сказался государственный человѣкъ, отчетливо понимающій повелительныя условія времени. Самъ онъ, въ оправданіе всякихъ проволочекъ, приводилъ истинно канцелярскій доводъ, что нельзя же въ 24 часа издать акты величайшей важности, а на заявленіи о противорѣчій дѣйствительности съ манифестомъ 17 октября ссылался на П. Н. Дурново, противъ котораго онъ, якобы, совершенно безсиленъ. О неминуемой отставкѣ Витте давно носились слухи; наконецъ, она состоялась 22 апрѣля, т.е. всего за пять дней до открытія Думы. Эта отставка тоже запоздала, по меньшей мѣрѣ она должна была совершиться, какъ только по ходу выборовъ оказалось, что кабинетъ Витте не найдетъ въ Думѣ ни малѣйшей поддержки.

Новый кабинетъ, съ Горемыкинымъ во

Примѣрное судебное разбирательство въ студенческіе годы С. А. Муромцева. На фотографіи изображены (справа направо): 1) М. В. Духовской, впоследствии извѣстн. прис. пов. и проф. Моск. у-та; 2) Н. А. Мясоѣдовъ, бывшій губернаторъ Або; 3) В. Я. Фуксъ, впоследствии цензоръ; 4) князь Л. С. Голицынъ, извѣстный винодѣль; 5) Жданъ-Пушкинъ; 6) С. А. Муромцевъ (предсѣдатель суда); 7) А. С. Стишинскій, главноуправляющій земледѣліемъ и землеустройствомъ во время первой Госуд. Думы, нынѣ членъ Госуд. Совѣта (членъ суда); 8) Н. В. Муравьевъ, послѣ министръ юстиціи и посолъ въ Римъ (на студент. судѣ—обвинитель).

Съ фотографіи (около 1870 года), сохранившейся у Мих. Мих. Духовскаго. (Впервые воспроизведена въ сборникѣ «Памяти С. А. Муромцева»).

Председатель 1-й Госуд. Думы С. А. Муромцев у себя в кабинете (Таврич. дворец).

С. Муромцев

главѣ, явился въ Думу буквально съ пустыми руками. Это, пожалуй, можно было истолковать, что онъ признаетъ за Думой характеръ учредительнаго собранія. На самомъ дѣлѣ, конечно, ничего подобнаго у него не было и въ мысляхъ. Но Горемыкинъ съ своими товарищами такъ мало были приговорены и такъ мало понимали свою роль передъ народнымъ представительствомъ, что даже при открытіи Думы

не считали нужнымъ выступить съ какой-нибудь деклараціей отъ имени кабинета.

Между тѣмъ надо принять во вниманіе настроеніе Думы. Въ подавляющемъ большинствѣ она не была революціонною; такую она могла казаться лишь бюрократамъ, посѣдышамъ въ канцеляріяхъ, привыкшихъ къ выглаженному писарскому стилю. Но Дума, какъ отражательница настроенія страны, несомнѣнно, болѣе, чѣмъ на пятьдесятыхъ, была оппозиціонная, притомъ въ высшей степени нервно-возбужденная.

27 апрѣля, какъ это иногда бываетъ въ апрѣлѣ, день былъ жаркій, даже душливый. Несмотря на исключительную торжественность момента, городъ совсѣмъ не имѣлъ праздничнаго вида.

Зато были приняты экстраординарныя мѣры для поддержанія порядка—точно кабинетъ ожидалъ дня баррикады и всеобщаго возмущенія. За малыми исключениями улицы были пустыни, такъ какъ многіе боялись выходить изъ дому.

Въ 2 ч. дня состоялся торжественный пріемъ депутатовъ въ Зимнемъ дворцѣ. Государь произнесъ тронную рѣчь, въ которой лично къ депутатамъ относился слѣдующія слова:

«Привѣтствую въ лицѣ вашемъ тѣхъ лучшихъ людей, которыхъ я повелѣлъ возлюбленнымъ Моимъ подданнымъ выбирать изъ себя».

Около 5 ч. произошло открытіе Думы въ Таврическомъ дворцѣ. С. А. Муромцевъ былъ единогласно провозглашенъ

Моя послѣдняя встрѣча съ С. А. Муромцевымъ.

Это было въ августѣ 1910 года,—четыре года спустя послѣ роспуска первой Думы и черезъ два года послѣ отбытія Муромцевымъ наказанія по дѣлу о выборгскомъ воззваніи. Я пріѣхалъ въ Киссингенъ, гдѣ уже находилась моя семья, и узналъ отъ нея, что Сергій Андреевичъ находится здѣсь. Въ первый же день моего пребыванія въ Киссингенѣ, гуляя по «Promenade», я издали увидѣлъ высокую, прямую фигуру, такъ хорошо мнѣ знакомую по недавнему прошлому—уже тогда казавшемуся далекимъ. Сергій Андреевичъ показался мнѣ очень похудѣвшимъ. Его красивая голова замѣтно побѣлѣла, черты лица стали еще скульптурнѣе, и въ его живыхъ, прекрасныхъ глазахъ можно было прочесть новое выраженіе какой-то сосредоточенной и спокойной грусти. Несомнѣнно, это былъ человѣкъ надломленный, но ничто тогда не предвѣщало столь близкаго конца.

Мы стали вѣдаться ежедневно. Вмѣстѣ предпринимали большія прогулки по прелестнымъ окрестностямъ, ѣздили въ Вюрцбургъ и въ старинный городокъ Ротенбургъ—и много бесѣдовали. Разговоры наши касались прошлаго. Въ настоящемъ тогда не было ничего отраднаго, а будущее не сулило облегченій. Но Сергій Андреевичъ не поддавался унынію. Онъ былъ твердъ въ своей вѣрѣ въ Россію. У него не было и горечи. Въ сущности, онъ былъ фаталистомъ, и ничто такъ не претило его натурѣ, какъ безплодныя сожалѣнія и гаданія на тему о томъ, что *могло* быть и не случилось. Онъ хорошо понималъ, что въ краткой и драматической исторіи первой Думы сыграли роль такія факторы, съ которыми не могли бороться отдѣльныя усилія. Онъ могъ со спокойной совѣстью и съ сознаніемъ долга, исполненнаго до конца, оглянуться на свою собственную роль, признанную даже врагами. Но пережитыя имъ испытанія не прошли, да и не могли пройти для него даромъ. Они, конечно, сократили его жизни.

Политическая роль Муромцева—какъ и его товарищей—была ликвидирована процессомъ о выборгскомъ воззваніи, и если бы онъ дожидъ до нынѣшнихъ грозныхъ событій, то оставался бы въ сторонѣ отъ активной политики. Но мнѣ часто думается, что судьба была вдвойнѣ жестока и къ нему, и къ намъ. Насъ она лишила его яснаго, трезваго ума, его спокойной твердости и проницательности, его благороднаго

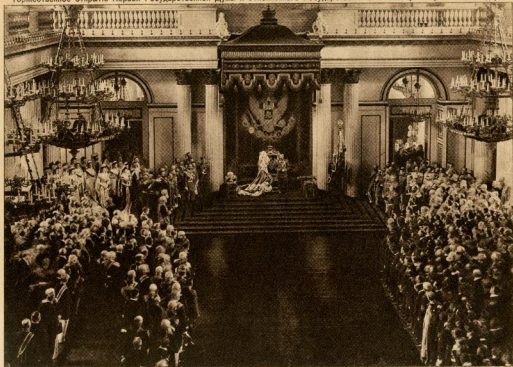

С. А. Муромцевъ и В. Д. Набоковъ въ Киссингенѣ (1910 г.).

и высокаго настроенія, всегда справедливаго и совѣстливаго. Онъ—если бы жилъ—явилъ бы еще разъ всю силу истиннаго патріотизма, пониманіе гражданскаго долга, готовность отдать всего себя на служеніе родинѣ.

Влад. Набоковъ.

Торжественное открытие Первой Государственной Думы и обновленного Государственного Совета (27 апреля 1906 года).

Его Императорское Величество Государь Император провозносит тронную речь, обращенную к депутатам (сидят слева) и членам Государственного Совета (стоит справа).

Уходя из Тронной Залы по правую руку Государя Императора стоят: Их Императорские Величества Государыня Императрица Мария Фёдоровна, Александра Фёдоровна и все члены Царствующего Дома.

Съ фот. фотографы Его Величества Ф. Галь.

Таврический дворецъ. — Фасадъ.

Таврический дворецъ. — Видъ со двора.

Фотографы Н. Н. Опышанскаго

Въ кулуарахъ первой Думы.

Члены мусульмане I Госуд. Думы въ буфетѣ Таврич. дворца

предсѣдателемъ (по предварительнымъ запискамъ изъ 436 получилъ 426). Занявши предсѣдательское мѣсто, С. А., прежде чѣмъ лично обратиться къ Думѣ, представилъ слово И. Ил. Петрункевичу. Иванъ Ильичъ въ краткихъ, но глубоко прочувствованныхъ словахъ, выразилъ то, что лежало на душѣ у всѣхъ собравшихся: необходимость амнистии. Но тутъ Дума, на первомъ же своемъ шагѣ, натолкнулась на подводный камень.

Изъ рѣчи С. А. Муромцева приведемъ слѣдующее: «великое дѣло налагаетъ на насъ и великій подвигъ, призывающій къ великому труду. Пожелавъ другъ другу и самимъ себѣ, чтобы у всѣхъ насъ достало достаточно силъ для того, чтобы вынести его на своихъ плечахъ на благо избраннаго насъ народа, на благо Россіи. Пусть эта работа совершится на основахъ подобающаго уваженія къ прерогативамъ конституціоннаго Монарха (громъ рукоплесканій) и на почвѣ совершеннаго осуществленія правъ Государственной Думы, истекающихъ изъ самой природы народнаго представительства (громъ рукоплесканій)».

Во второмъ засѣданіи, 29 апрѣля, было единогласно рѣшено избрать комиссію изъ 33 членовъ для составленія отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, причемъ по предложенію Ф. И. Родичева комиссіи было вѣнено въ обязанность внести въ адресъ указаніе на необходимость амнистии.

Пренія объ адресѣ закончились 5 мая единогласнымъ принятіемъ его. Гр. П. А. Гейденъ и 6 членовъ, не исполнивъ согласныя съ содержаніемъ адреса, не желая, однако, отнимать у него характеръ единогласно принятаго, передъ баллотировкой, удалились изъ залы. На другой день еще четыре

депутата письменно заявили о своей солидарности съ гр. Гейденомъ.

Центральными пунктами адреса, кромѣ амнистии, надо считать: отвѣтственное министерство, отмѣна всякихъ чрезвычайныхъ положеній и принудительное отчужденіе частновладельческихъ земель.

13 мая послѣдовала декларация предсѣдателя совѣта министровъ; она была рѣшительнымъ отказомъ на пожеланія Думы, выраженный въ адресѣ. Впечатленіе отъ этой декларации было ошеломляющее; даже гр. Гейденъ заявилъ, что «министерство должно уступить мѣсто другому, пользующемуся довѣріемъ». Послѣ пятисаговыхъ преній Дума большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ 11 выразила полное недовѣріе министерству. Но министерство осталось у дѣлъ... Такимъ образомъ, судьба Думы была предрѣшена, хотя она еще и просуществовала до 7 іюля; окончательный конфликтъ, какъ это и можно было предвидѣть, произошелъ на самомъ жгучемъ вопросѣ—аграрномъ.

Уже 6 мая Думой была избрана аграрная комиссія въ составѣ 91 члена (впослѣдствіи еще пополнена); комиссія усиленнымъ темпомъ вела свои занятія. Но 20 іюня въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появилось отъ совѣта министровъ сообщеніе, что правительствомъ принимается на себя рѣшеніе аграрнаго вопроса путемъ передачи мало-земельнымъ крестьянамъ казенныхъ земель и купленныхъ по добровольной цѣнѣ частныхъ земель. Принудительное отчужденіе объявлялось «совершенно недопустимымъ». В. Д. Кузьминъ-Караванъ (партія демократическихъ реформъ) внесъ 26 іюня предложеніе о составленіи обращенія Госуд. Думы къ насе-

Депутаты-крестьяне изъ Польши (II созывъ).

Польскіе депутаты-крестьяне (II созывъ).

Фот. Ольш.—12.

Въ кулуарахъ первой Думы.

Въ кулуарахъ I-й Государственной Думы (во время перерыва).

ленію въ отвѣтъ на правительственное сообщеніе отъ 20 іюня. Дума поручила аграрной комиссіи выработать текстъ обращенія, который съ нѣкоторыми поправками и былъ 6 іюля принятъ Думой. Въ моментъ голосованія въ собраніи оказалось 278 депутатовъ; изъ нихъ 101 (трудовики) воздержались отъ голосованія; изъ 177 подали голосъ за обращеніе 124. Соц.-демократы еще до исхода преній отказались принимать участіе въ дальнѣйшемъ обсужденіи дѣла.

На другой день, т.-е. 7 іюля, состоялся Высочайшій манифестъ о роспускѣ Думы и о назначеніи новыхъ выборовъ съ созывомъ Думы на 20 февраля 1907 г.

Всего первая Дума просуществовала 72 дня. Хотя судьба ея съ самыхъ первыхъ дней была въ высшей степени проблематична, все же роспускъ Думы вызвалъ сильнѣйшее впечатлѣніе во всей странѣ и горькое чувство. Даже въ «Нов. Времени» вотъ что мы читаемъ: «Государственная Дума при

всѣхъ своихъ недостаткахъ и увлеченіяхъ создала нѣчто симпатичное и цѣнное, создала органъ, къ которому стало прибѣгать населеніе, какъ къ защитѣ, какъ къ своему заступнику... Одно можно установить съ очевидностью: можетъ быть, первая Дума дѣлала ошибки, но она была честная и незлобивая Дума... Думѣ, несмотря на всѣ ея недостатки, вѣрили» («Н. Вр.» 10 іюля).

Первую Думу обыкновенно принято называть кадетской; это далеко неточно. Вѣрно то, что кадетская партія въ ней была наиболѣе крупная, но въ общемъ числѣ избранныхъ на 7 іюля она составляла только около 160. Однако, во всѣхъ существенныхъ вопросахъ къ кадетамъ много примыкало изъ другихъ группъ, за исключеніемъ, конечно, трудовиковъ (97) и с.-д. (17). Въ Думѣ было значительное число безпартійныхъ (67) или совсѣмъ не обозначившихъ свою принадлежность къ какой-нибудь партіи (42). Несомнѣнно, большинство тѣхъ и другихъ примкнуло бы къ кадетамъ и другимъ умѣреннымъ

Депутаты А. А. Булатъ и В. И. Дзюбинскій.

Депутаты М. М. Алексѣенко и А. А. Мотовиловъ.

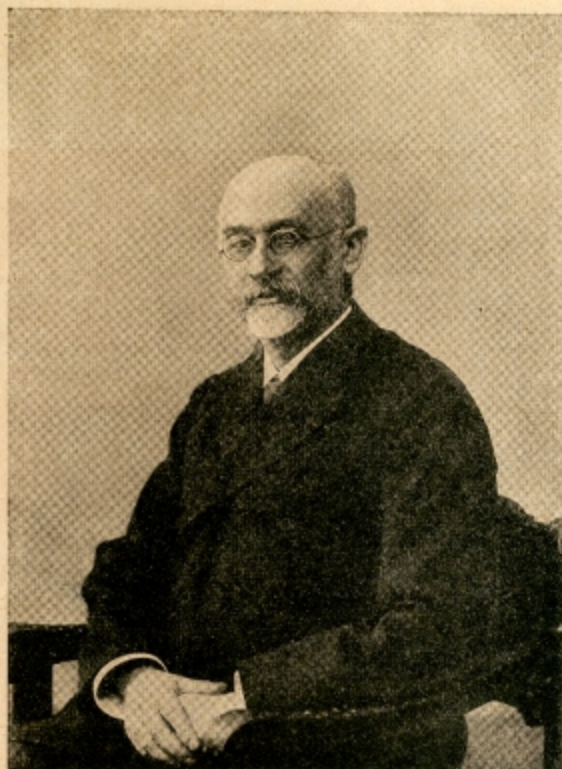
Фотографы Н. Н. Ольшанскаго

въ своей собственной средѣ, въ то время, когда она берется за строительство всего государства. Сколько злорадства это вызвало-бы въ средѣ огромнаго сонма враговъ Думы... Надо было побѣдить себя, и эта побѣда была одержана. Рѣшено было предоставить слово одному лишь, достойнѣйшему, для краткаго заявленія объ амнистии, и затѣмъ дать свершиться всему, что нужно для организации Думы и для начала ея планомѣрной дѣятельности. А въ ту самую минуту, когда это происходило въ кулуарахъ Думы, когда 436 народныхъ избранниковъ въ сознаніи великихъ историческихъ задачъ момента рѣшались подавить самый горячій естественный порывъ души—въ эту самую минуту новый глава правительства бесѣдовалъ съ Муромцевымъ на тему о полезности немедленнаго роспуска Думы на каникулы...

Процедура избранія Муромцева, безпримѣрная, по импозантности, въ исторіи парламентовъ, опять радостно встрепенула всѣхъ. Началось дѣло по всѣмъ правиламъ церемоніала, рассчитаннаго на естественную пестроту мнѣній и многочисленность кандидатовъ, а кончилось дѣло единодушнымъ призывомъ на высокое мѣсто чуть-ли не *rag acclamation* единственнаго излюбленнаго человека,—призывомъ, засвидѣтельствовавшимъ съ необычайной яркостью единство воли и государственнѣйшій смыслъ всей этой, казалось, распыленной, многосортной человѣческой массы.

Открытіе Думы возложено было на председателя Государственнаго Совѣта статсъ-секретаря Фриша. Бѣлый, какъ лунь, невысокаго роста старецъ, въ великолѣпномъ мундирѣ, увѣшанный весь звѣздами и орденами, въ сопутствіи Государственнаго Секретаря (Барона Икскуль-фонъ-Гильденбанда), взойшелъ на председательскую трибуну. По установленному чину прочитаны были Государственнымъ Секретаремъ всѣ указы и законы и произнесено было самимъ статсъ-секретаремъ Фришемъ довольно обширное привѣтственное слово. Затѣмъ предложено было намъ намѣтить кандидата въ председатели Думы записками, чтобы приступить къ баллотировкѣ кандидатовъ шарами.

Но оказалось, что изъ 436 записокъ 426 поданы за одного кандидата—за Муромцева, остальные записки содержали имена разрозненныхъ случайныхъ кандидатовъ. Всѣ эти случайные кандидаты тутъ-же естественно отказались отъ баллотировки, и председателю пришлось констатировать, что у него всего одинъ кандидатъ, и притомъ такой, который въ сущ-

Членъ 1-ой Государственной Думы отъ Москвы, лидеръ конст.-демокр. партіи М. Я. Герценштейнъ, повѣсившій отъ руки убійцу въ Териокахъ (Финляндія).

ности уже избранъ достаточно солиднымъ большинствомъ. Однако, баллотировочные ящики были приготовлены, всѣ они, новенькіе, тутъ-же были выставлены, а главное: законъ требуетъ баллотировки. Фришъ объявилъ, что «остается одно только лицо, получившее 426 голосовъ, по закону слѣдуетъ теперь баллотироваться шарами». Но изъ залы раздался возгласъ: «Лишнее». «Угодно ли приступить къ баллотировкѣ шарами г. Муромцева?», повторилъ Фришъ.

Въ залѣ, какъ констатируетъ отчетъ, пронесся «общій говоръ» и раздались громкіе возгласы: «Это бесполезно. Старецъ теряется. Все выходитъ что-то не такъ, не по чину, — эта волна неожиданнаго единодушія со всѣмъ сбивается съ толку. Выручайте, наконецъ, Петрункевичъ, предложившій считать Муромцева уже избраннымъ. Статсъ-секретарь Фришъ ухватился за советъ. Дума на вопросъ его отвѣтила, что

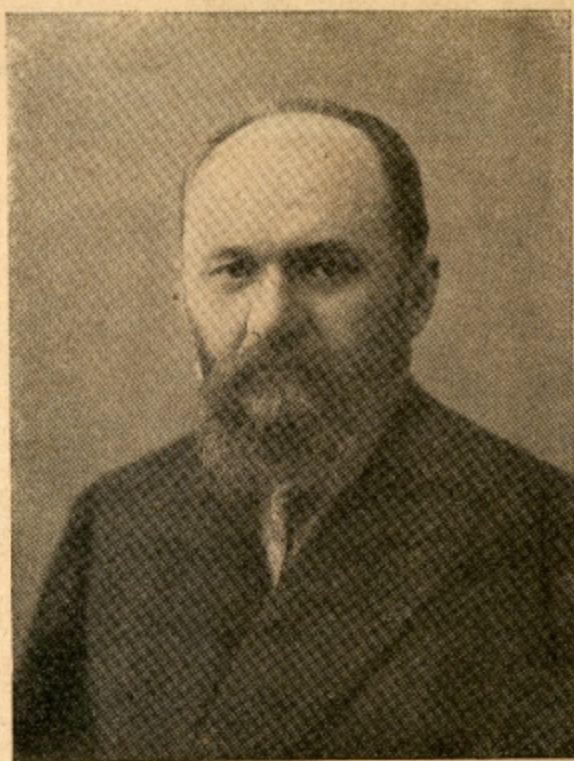

Депутатъ А. Ф. Аладышинъ (1 созывъ).
Фот. Ольшанскій.

Графъ П. А. Гейденъ,
крайній членъ первой Государственной Думы.

Фот. А. Булла.

М. М. Винаверь,
член 1-й Государственной Думы отъ Петрограда.

единогласно признает избранным члена Государственной Думы Сергѣя Андреевича Муромцева. Всѣ облегченно вздохнули. Вздохнулъ облегченно и Фришъ и собрался тутъ же покинуть трибуну. Но по ступенямъ предсѣдательской трибуны восходилъ своей величавой поступью, съ высоко-поднятою аполоновскою головою, встрѣчаемый «громомъ аплодисментовъ», народный первоизбранникъ, — и изукрашенный золотомъ, челоуѣкъ остановился, въ полуоборотъ къ Думѣ, лицомъ къ лицу съ поднявшимся на высокое мѣсто, скромно, въ черный фракъ одѣтымъ, величественнымъ представителемъ новой Россіи. И оба, одно мгновение совмѣстно стоя на трибунѣ, отвѣсили другъ другу низкій поклонъ. Такъ произошла, на глазахъ избранниковъ народа, при восторженномъ напряженномъ вниманіи Думы, передача старымъ строемъ «ключей власти» строю новому. Старикъ исчезъ, и на его мѣсто — точно для контраста, всталъ стройный, съ прямою спиною, челоуѣкъ — воплощеніе красоты и силы.

Всталъ, но не ему дано было сказать первое слово изъ среды народныхъ избранниковъ. Это слово предоставлено было выразителю тѣхъ чаяній, которыми наполненъ былъ воздухъ сегодняшняго дня на всемъ пути нашемъ къ Таврическому дворцу. «Долгъ чести, долгъ нашей совѣсти повелѣваетъ, чтобы первая наша мысль, первое наше свободное слово было посвящено тѣмъ, кто пожертвовалъ своей свободой за освобожденіе дорогой намъ всѣмъ Родины...» Таковы были первые слова, прозвучавшія съ трибуны Думы изъ устъ И. И. Петрункевича.

Боже мой, какіе родники чувствъ открылись подъ влияніемъ этихъ возвышенныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такихъ естественныхъ въ эту минуту словъ. Ощущеніе принесенныхъ жертвъ никогда не было такъ углублено, Душу поднимало чувство удовлетворенія, что намъ дано было, отъ имени государственнаго учрежденія, сказать то, что камнемъ давило совѣсть каждаго русскаго гражданина, — и окрыляла насъ надежда, что, можетъ быть, завтра отъ этихъ звуковъ падутъ Іерихонскія стѣны...

Съ приподнятою душою, внутренне умиротворенные, мы восприняли затѣмъ третій, послѣдній моментъ этого историческаго дня. То была блестящая по своей выразительной про-

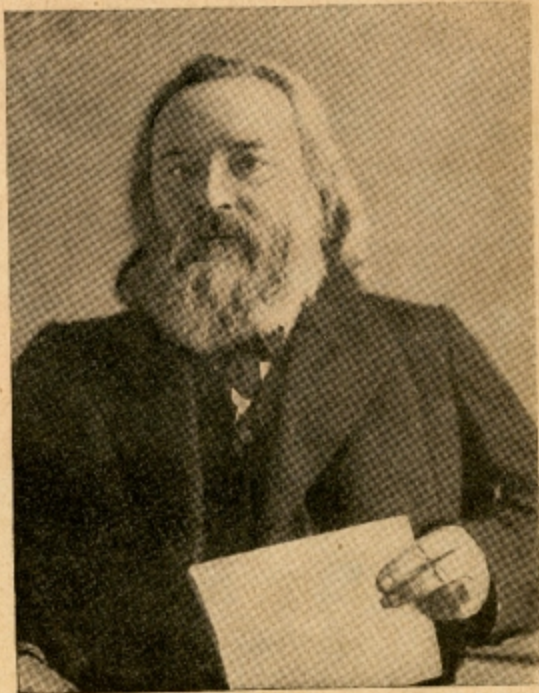
стои и краткости рѣчь предсѣдателя Думы. Муромцевъ потомъ рассказывалъ, что онъ рѣчь свою придумывалъ тогда, когда Горемыкинъ бесѣдовалъ съ нимъ въ полуциркуляномъ залѣ о «капитулахъ» Думы, а изъ залы Думы доносились чтеніе записокъ: «Муромцевъ, Муромцевъ, Муромцевъ...»

Съ государственной точки зрѣнія, эта рѣчь являлась кульминаціоннымъ пунктомъ всего дня. Ибо она дала опредѣленный, кристально-ясный отвѣтъ на двѣ проблемы, волновавшія страну въ предверіи новаго строя. Изъ устъ предсѣдателя Думы вышло то слово, котораго многіе трепетно и на-прасно ждали И слово это поддержано было такимъ взрывомъ аплодисментовъ всего собранія, что только слѣпой могъ не видѣть, что это вся страна говоритъ, — что вся страна ликуетъ по поводу того, что, наконецъ, ей дано въ стѣнахъ государственнаго учрежденія властно и гласно произвести звуки, которые манили рядъ поколѣній нашихъ борцовъ за свободу. Муромцевъ заговорилъ о «правахъ Госуд. Думы, истекающихъ изъ самой природы народнаго представительства». Это значило, что ни съ какими попытками ущемить ея права Гос. Дума считаться не будетъ, что превыше всякихъ формальныхъ ловушекъ, около нея разставляемыхъ, Гос. Дума поставитъ свои цѣли, свои задачи, вытекающія изъ смысла торжественно возвыщенной учредительной хартіи и изъ существа отношенія двухъ властей. И высокій государственный смыслъ упоминанія объ этихъ устояхъ новой жизни былъ понятъ всѣми. Растроганность сердецъ смѣнилась или слилась воедино съ горделивымъ сознаніемъ высокой государственной миссіи, уже формулированной, уже начатой исполненіемъ. Ибо ввести безформенные идеалы, бродящіе въ массахъ, въ русло точно очерченной задачи государственнаго учрежденія значило уже вступить на путь осуществленія задачъ, «природѣ народнаго представительства свойственныхъ».

Таковъ былъ троякій итогъ этого перваго дня, таковъ возвышающій историческій смыслъ первой даты — 27 апрѣля 1906 года.

М. М. Винаверь

(М. Винаверъ).

Членъ 1-ой Думы отъ Петрограда. проф. Н. И. Карель.

Член 11-ой Государственной Думы, лидер трудовой группы
А. Л. Каравеев, бывший от рук убийц в Екатеринославь.

И. В. Гессен,
член 11-ой Государственной Думы

Член 11-ой Госуд. Думы от Петрограда,
лидер с.-д. фракции И. П. Алексинский.

Къ дуэли О. Я. Пергамента съ Н. Е. Марковымъ II-мъ.
Депутатъ-секундантъ В. А. Карауловъ заглаживаетъ къ О. Я. Пергаменту,
чтобы отразиться съ нимъ къ месту дуэли.

Депутаты И. Н. Ефремовъ и П. Н. Милуковъ.

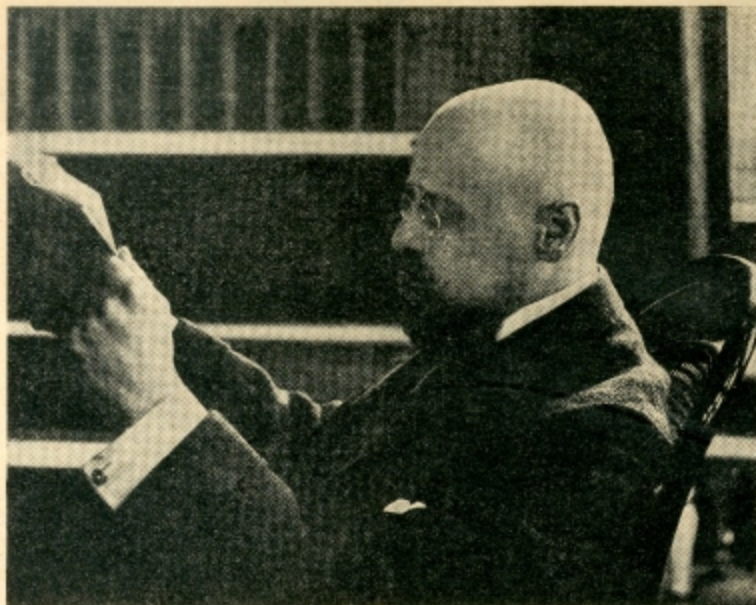

Депутаты: Гр. В. А. Бобринскій, Н. А. Ростовцевъ, И. П. Демидовъ, М. Л. Киндяковъ, В. П. Басаковъ, В. Н. Львовъ.

Депутаты от. С. А. Крыловъ, от. В. I. Поповъ 3-й и епископъ Анатолій.

Фотоэтиды Н. Н. Ольшанскаго

Член Госуд. Думы В. М. Пуришквичъ.

важный ораторъ, но горячій и искренній представитель рабочихъ, Михайличенко. Его неуклонія, подчасъ сѣрая рѣчь выслушивались терпѣливо, потому что Дума знала, что надѣ хорошо вдуматься и въ то, что говоритъ представитель екатеринославскихъ рудокоповъ.

Первое засѣданіе первой Государственной Думы было открыто въ 5 часовъ пополудни вступительной рѣчью и чтеніемъ Высочайшаго указа стать-секретаремъ Фришемъ. Затѣмъ послѣдовало избраніе предсѣдателя, которымъ и былъ избранъ С. А. Муромцевъ.

— Кланяюсь Государственной Думѣ, — сказалъ первый предсѣдатель, напомнивъ депутатамъ о томъ великомъ дѣлѣ, на которое ихъ призвали Монархъ и законъ...—Великое дѣло налагаетъ на насъ и великій подвигъ, призываетъ къ великому труду, — продолжалъ С. А. Муромцевъ. — Пожелаемъ другъ другу и самимъ себѣ, чтобы у всѣхъ насъ достало достаточно силъ для того, чтобы вынести его на своихъ плечахъ на благо избравшаго насъ народа, на благо родины. Пусть эта работа совершится на основахъ подобающаго уваженія къ прерогативамъ конституціоннаго Монарха (громъ рукоплесканій) и на почвѣ совершеннаго осуществленія правъ Государственной Думы, истекающихъ изъ самой природы народнаго представительства (громъ рукоплесканій).

Эти слова, взятые мною изъ стенографическаго отчета засѣданій первой Думы 27 апрѣля 1906 года, считались всею Думой, какъ самая лучшая формула, объединившая всѣ политическіе кружки, пославшіе своихъ представителей подъ предсѣдательство С. А. Муромцева. Всѣ депутаты, безъ различія отгѣнковъ въ политической мысли, разомъ оцѣнили и полюбили С. А. Муромцева. Къ предсѣдателю Думы, такому важному и солидному, подходили представители трудящагося населенія — крестьяне и рабочіе, и робкіе сельскіе батюшки, представлялись ему попросту, провинціальному, жали руку за сказанныя слова и тутъ же начинали сбивчиво и нетвердо излагать свои пожеланія будущей работы. И когда потомъ предсѣдатель появлялся на трибунѣ «высокаго собранія», какъ говорили о засѣданіяхъ первой Думы, и руководилъ преніями, — чувствовалось, что для хора не особенно стройныхъ и не спѣвшихся политическихъ голосовъ найденъ настоящій и нужный дирижеръ.

Первые дни засѣданій Государственной Думы происходили въ какой-то особенной нервующей обстановкѣ. Съ трибуны читались привѣтствія молодому законодательному учрежденію отъ различныхъ кружковъ и группъ столичнаго и всероссійскаго населенія, и громкія рукоплесканія были отвѣтомъ этому всенародному признанію Государственной Думы. Къ содержанію привѣтствій депутаты относились, какъ къ лозунгамъ, идущимъ отъ народа, и въ своихъ первыхъ рѣчахъ старались дать отвѣтъ народу, пославшему депутатовъ въ Думу. И такъ въ каждый день новаго засѣданія Думы

устанавливалась и зрѣла связь населенія съ Думой.

Вдругъ особенную значительность приобрѣли и обширныя залы Таврическаго дворца, особенно Екатерининскій и Циркулярный залы. Свидѣтели былыхъ Потемкинскихъ баловъ, тѣмъе хранители былыхъ веселыхъ разговоровъ старыхъ вельможъ и юныхъ кавалеровъ былыхъ екатерининскихъ временъ, теперь эти залы увидѣли другихъ людей и подслушали другіе разговоры. Съ ранняго утра и въ бѣлыя ночи до поздняго часа въ Екатерининской залѣ толпились группы депутатовъ, окруженные журналистами и публикой. Депутаты первыхъ двухъ Думъ были болѣе доступными для публики. Никому и въ голову не приходила мысль разъединить эти двѣ группы людей, интересующихся однимъ и тѣмъ же. Въ настоящее время думскіе кулуары — недосыгаемая тайна для публики, и публика въ Думѣ изолирована. Въ первыхъ же двухъ Думахъ единеніе столичной публики съ депутатами олицетворяло собою единеніе народныхъ избранниковъ съ народомъ. Та же незримая и нужная работа единенія совершалась и въ помѣщеніяхъ, отведенныхъ для отдѣльных думскихъ фракцій; о народномъ дѣлѣ говорилось и въ обширномъ думскомъ буфетѣ, и въ коридорахъ дворца, и въ обширномъ дворцовомъ саду, на

берегу озера. Природа словно содѣйствовала работѣ Государственной Думы. Стояли прекрасные вѣдреные дни съ теплымъ и яркимъ солнцемъ. И долгій вѣшній день содѣйствовалъ работѣ Думы, и начавшіяся сѣверныя бѣлыя ночи. Только на короткій остатокъ этихъ ночей депутаты расходились по домамъ на отдыхъ, а съ утра опять рой голосовъ гудѣлъ и въ залахъ дворца, и въ буфетѣ, и въ саду, и на берегу озера.

Какая-то особенная дѣятельная радость переполняла и души депутатовъ, призванныхъ дѣлать великое дѣло, и тѣхъ свидѣтелей этой работы, кто только могъ слѣдить за этой работой, не принимая въ ней непосредственнаго участія. Мы, думскіе журналисты, были переполнены особенной профессиональной гордостью: намъ выпала счастливая доля быть свидѣтелями начала молодого Россійскаго парламента. Мы непосредственно общались съ первыми представителями народа, слушали ихъ рѣчи съ трибуны, и въ кулуарахъ. Мы набирались впечатлѣній новой жизни и въ своихъ работахъ не за страхъ, а за совѣсть старались описать и все обширное населеніе родины.

И такъ всѣ семьдесятъ два дня дѣятельности первой Думы въ Таврическомъ дворцѣ совершалось это великое и славное дѣло обновленія родины чрезъ законодательствованіе при содѣйствіи народныхъ представителей. Были и бурныя засѣданія, когда впервые открыто передъ всей Россіей сталкивались въ споръ различные интересы представителей различныхъ политическихъ группъ. И чувствовалось,

Член Думы Н. Е. Марковъ II.

То было раннею весной...

I.

Какъ мало прожито съ тѣхъ поръ—и какъ много пережито... Мы имѣемъ уже четвертую Государственную Думу, но за то потеряли много иллюзій, много молодыхъ сновъ. Обыватель, который тогда вдругъ почувствовалъ себя гражданиномъ и потомъ (давно уже) опять вернулся въ первобытное обывательское состояніе, съ покорнымъ равнодушіемъ уже часто думаетъ, что «ничего не было», ибо мимолетную весеннюю грезу унесъ ледоходъ, а многихъ изъ тѣхъ, кто повѣрилъ въ нее,—унесла «Владимирка». А все-таки—«Дума народного глѣба» была, она реально существовала, и ея первый день, такъ непохожій на первые дни смѣнившихъ ее Думъ, представляетъ собою ту страницу русской исторіи, которую нельзя вычеркнуть и нельзя забыть.

Судьба дала мнѣ—въ числѣ немногихъ другихъ товарищей-журналистовъ—быть близкимъ свидѣтелемъ этого несравненнаго момента. Насъ вмѣстѣ съ иностранными корреспондентами было въ Зимнемъ и Таврическомъ дворцахъ всего 110 человекъ. Не играя никакой активной роли, мы были только наблюдателями, но нашими глазами и нашими ушами смотрѣла и слушала вся стопятидесятимилліонная Россія. Мы глубоко сознавали это и чувствовали, что на насъ лежитъ высокій и святой долгъ—запечатлѣть правду этого историческаго дня такъ, какъ она есть. Я говорилъ тогда со многими коллегами—и всѣ именно такъ смотрѣли на свою задачу. Мы были тогда не только журналистами, но—гражданами-журналистами.

То было раннею весной...

2.

Послѣднія 2 недѣли до открытія Думы мнѣ пришлось провести въ Москвѣ, гдѣ я работалъ въ большой ежедневной газетѣ. Работа въ газетѣ при тогдашнихъ обстоятельствахъ была въ высшей степени увлекательна. Печать пользовалась почти полной свободой, а жизнь, которую она должна была отражать и освѣщать, кипѣла. Но пульсъ ея бился все-таки въ Петербургѣ. Насколько тогда въ Петербургѣ общественно-политическіе интересы были для всѣхъ важнѣе всякихъ другихъ, можно судить хотя-бы по тому, что извѣстный богачъ коннозаводчикъ-спортсменъ М. И. Лазаревъ (уже покойный) тогда, бывало, самъ цѣлыми часами передавалъ по телефону извѣстія въ Москву, надрывая горло у аппарата. Теперь это уже давно превратилось въ профессию, а тогда и въ это механическое дѣло—изъ-за того, что оно было связано съ великими переживаниями страны—вносило священный трепетъ любительства.

Членъ Государственной Думы В. А. Карауловъ (III созывъ).

что эти споры и столкновения — нужное, важное для всей жизни. Изъ столкновения двухъ различныхъ мыслей, въ спорѣ, подсказанномъ двумя различными переживаниями, рождалась третья необходимая истина.

Свидѣтели народнаго рожденія перваго русскаго парламента, мы, журналисты, были и свидѣтелями преждевременной смерти первой Государственной Думы. И поѣздка депутатовъ въ Выборгъ, знаменитое ночное засѣданіе въ душныхъ и тѣсныхъ комнатахъ выборгскаго ресторана—тоже страница изъ жизни первой Государственной Думы. Но теперь еще не время въ подробностяхъ останавливаться на этомъ событіи, какъ и на многомъ, что совершалось тогда и въ залахъ Таврическаго дворца.

Въ десятилѣтнюю годовщину существованія Думы хочется только въ общихъ чертахъ припомнить тѣ памятные 72 дня работы Думы, когда совершалось начало великаго дѣла обновленія родины чрезъ новые законы, созданные при содѣйствіи народныхъ представителей и «лучшихъ» изъ людей.

Многіе изъ этихъ «лучшихъ» людей, а съ ними и ихъ предсѣдатель, уже скончались, и хочется назвать ихъ имена теперь и почтить память о нихъ вставаніемъ, какъ это дѣлается въ засѣданіяхъ. Другіе изъ депутатовъ «претерпѣли» въ свое время гоненія, какъ «бывшіе депутаты». Третьи пережили всѣ существовавшая Думы и продолжаютъ работу и въ Думѣ, нынѣ дѣйствующей, въ трудные дни военныхъ испытаній. Они, эти свидѣтели начала работъ первой Думы, могли бы поразсказать много больше и интереснѣе, и будущая политическая исторія, вѣроятно, опубликуетъ и ихъ воспоминанія и мемуары. И тогда ясно станеть, почему и въ своихъ воспоминаніяхъ журналиста хочется сказать что-то особенное о дѣятельности первой Государственной Думы, какъ объ особомъ торжествѣ и дѣятельной радости первыхъ народныхъ представителей, первыхъ «лучшихъ» изъ людей, которые завѣщали и дѣятелямъ нынѣ существующей Думы свою готовность пострадать за народное дѣло и свою искреннюю любовь къ родинѣ.

В. Брусилинъ.

Членъ Госуд. Думы П. Н. Крупенскій.

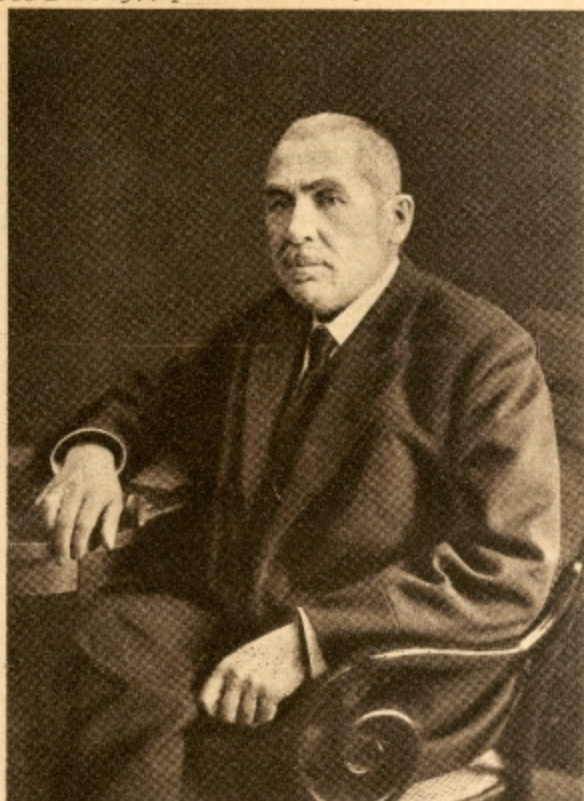
Весна въ Таврическомъ дворцѣ.

Депутаты во время перерыва въ саду Таврическаго дворца.

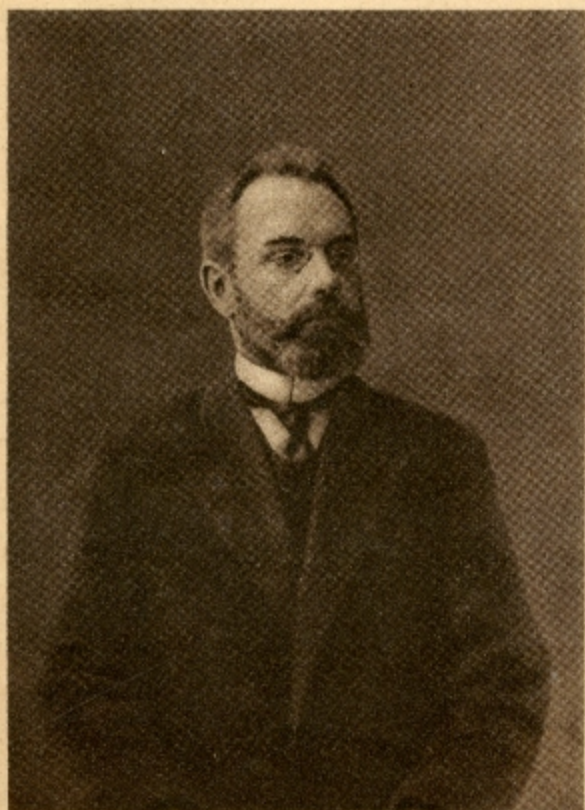
Фотоэтюды Н. Н. Олышанскаго.

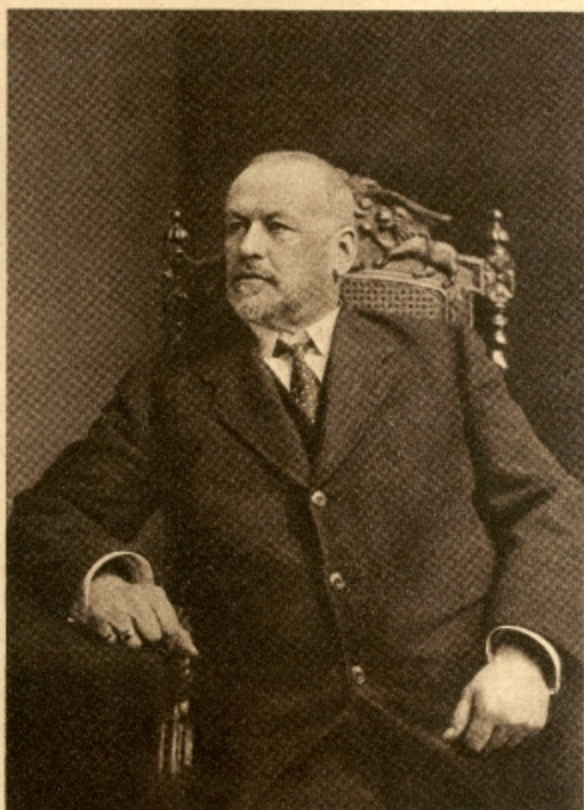
В. А. Головинъ
(II-я Дума).

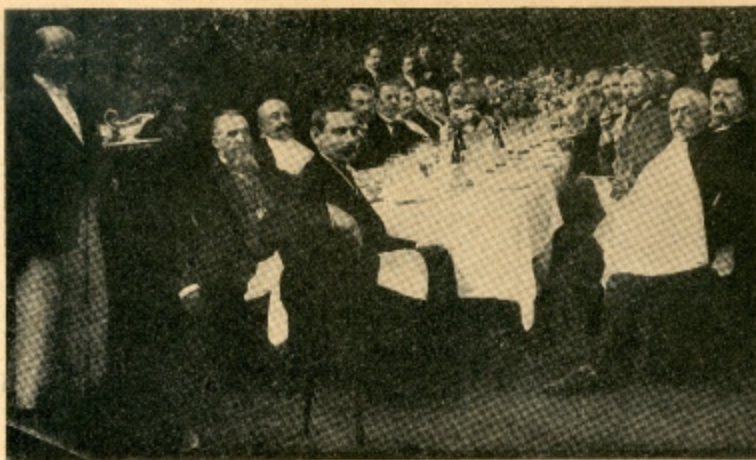
Н. А. Хомяковъ
(III-я Дума).

А. И. Гучковъ
(III-я Дума).

М. В. Родзянко
(III-я и IV-я Думы).

Объезд депутатов-националистов в саду Таврического дворца.

Оставаться в такое время в Москве стало не в мою силу, и я решил вернуться в Петербург. Издатель, когда я сообщил ему об этом, захотел также ехать со мною.

И 26-го утром мы уже были на берегах Невы. Место в Думе для той газеты было уже отведено раньше—на предварительном совещании представителей печати, которые вдали тогда этим вопросом совершенно автономно—не так, как теперь. Но нам с издателем хотелось непременно попасть и в Зимний дворец—на первый торжественный прием и тронную речь.

Не теряя времени, прямо с вокзала, мы отправились на Фонтанку, в канцелярию Министерства Двора. Хотя прошли уже все сроки для испрошения пропуска во дворец, но в канцелярии нас выслушали очень любезно и паучили, что нужно предпринять, чтобы все-таки добиться пропуска. Положение, между прочим, осложнялось тем, что—как только что прибывшие и нигде еще не прописанные—мы являлись личностями, о благонадежности которых не могло быть никакого суждения. В частности—я даже не имел никакого документа, из которого было бы видно, что я состою представителем какой-нибудь газеты. От нашей-же газеты могли допустить только одно лицо—и издатель хотел использовать это место для себя.

Но времена тогда были необычайные. По совету чиновника канцелярии я порылся у себя в архиве и нашел редакционный билет одной провинциальной газеты. Когда я привез этот клочек картона в канцелярию,—я не скрыл от чиновника, что газета эта уже не выходит.

— Кто вас спрашивает об этом?—изумился тот.

— Но зато тут совершенно определенно напечатано, что удостоверение действительно на 1905-ый год, а теперь уже 1906-ой.

— Да? Но это опять так похоже на «шесть»...

Тут и я мгновенно замолчал, что похоже. А чтобы и у остальных лиц, которые станут проверять, тоже на этот счет не оставалось сомнения, я тут-же, на канцелярском столе, обмакнув казенное перо в казенные чернила, пере-

Члены 1-ой Госуд. Думы в общезимней за обедом.

делал конечное 5 на 6-и документ был готов. Ничего не могло быть проще.

Разсказываю об этом маленьком подлоге не потому, что за истечением земской давности я от ответственности свободен, а потому, что в этой случайной мелочи очень рельефно отразилась та атмосфера доверия, которою было насыщено все в те незабвенные дни, все,—даже воздух канцелярий...

По указанию того-же чиновника мы отправились на Морскую—в моментальную фотографию, так как для получения билета на вход во дворец требовалось представить «физиономию личности» в трех экземплярах. Фотография была полна народу. Хозяин-француз сиял, кассирша еле успевала собирать мзду.

— Каррош! — воскликнул француз, потирая руки.—При конституции промышленность всегда процветает!

Кто-то сказал:

— Не радуйтесь, моск! Такой бенефис у вас будет еще только через 5 лет.

«Моск» хихикнул.

— Нитшено! Кто может это знать? Но только пять лет—это очень долго!

И, действительно,—пришлось ждать не так долго,—не 5 лет, а всего лишь 7 месяцев.

Члены 1-ой Госуд. Думы крестьяне в общезимней.

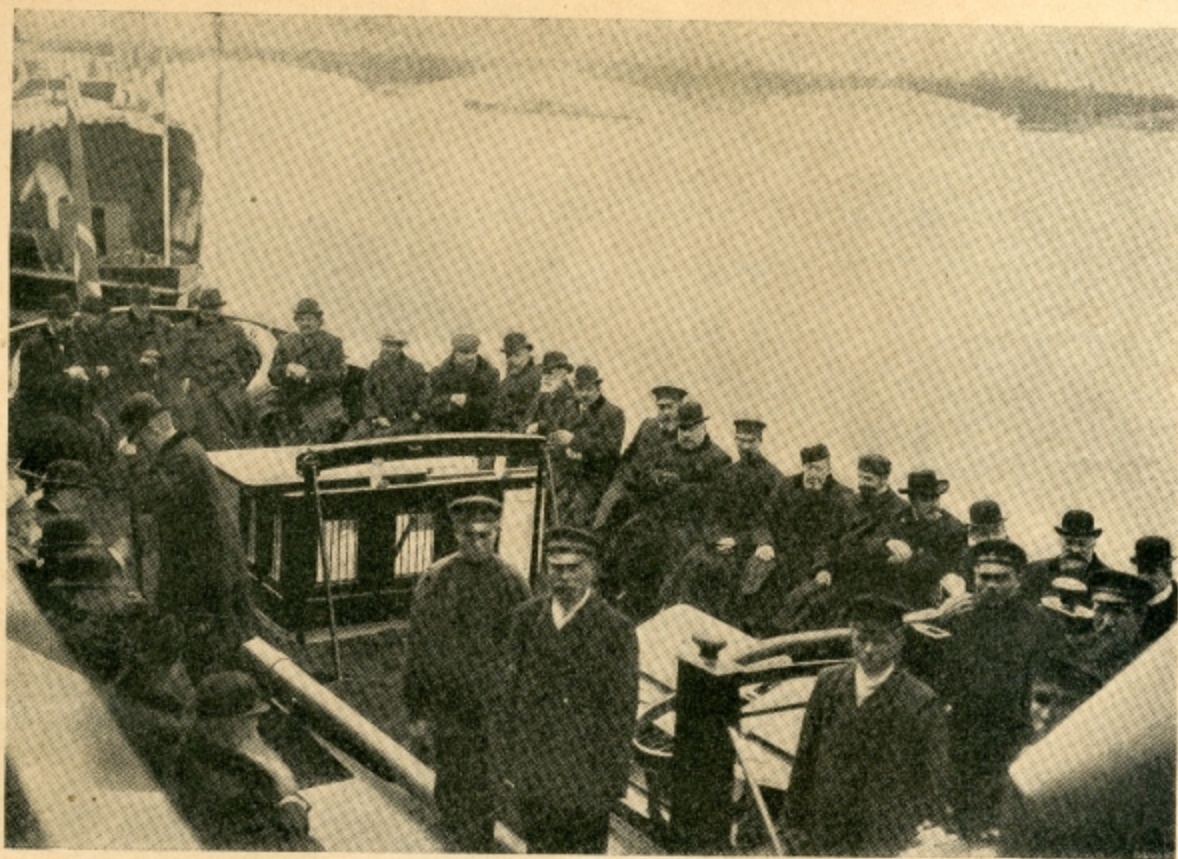
Вечером в «Вите» (где собираются писатели, артисты и художники?) был полный сбор всех частей. Петербургские литературные богемы были отодвинуты на второй план провинциальными ласточками прессы. Было шумно и весело—и так бодро смотрелось вперед.

3.

27-го апреля был настоящий летний день. Вопреки календарю, горячее солнце улыбалось с синего неба и окутало Петербург упоительною южною тьмой. Улицы пестрели флагами, большие отряды войск в парадной форме с музыкой проходили на площадь Зимнего дворца. Я и мой издатель во фраках—без пальто—зрелище совершенно непривычное для петербуржца—отправились к дворцу пешком. По дороге нас не раз окликали:

— Депутаты?

Но как раз депутаты были отбыты совершенно буднично—без всякого парада. Начиная от Морской, пропускали

Появка членов Государственной Думы в Кронштадт.

Фот. Н. Олманского.

уже только имѣющих билеты. У подъѣзда дворца, указанного для входа представителей печати, толпились, наблюдая съѣздъ, журналисты со всего свѣта. Ожидали, что при проходѣ внутрь столкнемся съ какими-нибудь особенными приемами контроля. — «Будутъ обыскивать!» — утѣряли провинциалы. Ничего подобнаго не было и пропускали (съ билетами) такъ свободно, что тѣ же провинциалы съ изумленіемъ спрашивали, существуетъ-ли вообще какая-нибудь охрана.

Особь разныхъ классовъ, получившія входъ на торжество, были — по рангамъ — размѣщены въ разныхъ залахъ и видѣли только отдѣльные моменты. Картину во всей совокупности пришлось наблюдать только представителямъ печати, для которыхъ были отведены хоры, какъ разъ напротивъ трона. А картина была единственная въ своемъ родѣ, ибо при открытіи послѣдующихъ Думъ ни приема во дворецъ, ни тронной рѣчи уже не было.

Насъ было на хорахъ, — повторяю, — 110 человѣкъ.

Сверху мы видѣли, какъ постепенно наполнялся живой раззолоченной толпой великолѣпный Георгіевскій залъ. Тронъ съ художественно брошенной на него царской мантией, подобитой горностаемъ, невольно приковывалъ всѣ взоры. Правую сторону зала, считая отъ трона, заняли сановники и дамы въ «русскомъ платьѣ» съ придворными шлейфами, слѣва стали депутаты. Ихъ — позже всѣхъ — ввелъ церемоніймейстеръ съ жезломъ. Многие изъ депутатовъ были просто — въ пиджакахъ, иные даже — въ желтыхъ штиблетахъ. Конечно, впервые еще Георгіевскій залъ видѣлъ въ своихъ бѣлыхъ стѣнахъ столь непринужденно одѣтую публику.

Когда я смотрѣлъ на эти двѣ столь несхожія группы — на залитыхъ золотомъ и увѣнчанныхъ орденами олимпійцевъ — и тутъ же на эту скромную крестьянско-бывательскую Русь, настойчиво завладѣвала мною мысль, что это въ первый разъ высшая власть встрѣтилась съ народомъ лицомъ къ лицу — съ настоящимъ народомъ. И прежде на особѣхъ торжествахъ постоянно бывали представители народа — но это былъ отборъ изъ старшинъ, медальныхъ «хозяйственныхъ мужичковъ» Теперь впервые народъ пришелъ въ истинномъ своемъ лицѣ — и сразу оказалось, что это вовсе не «благообразные» мужички въ почетныхъ кафтанѣхъ одинако-

вой складки на подборъ, а просто — люди изъ толпы, отнюдь не отштампованные по одному шаблону, но интересные своею собственной бытовой красотой.

4.

Моментъ тронной рѣчи, въ которой депутаты были названы «лучшими людьми», я, конечно, не забуду, пока живу. Звукъ гимна, зазвучавшіе при послѣднемъ словѣ рѣчи, закончили торжество, и шумный живой потокъ людей устремился къ выходамъ.

Въ одномъ изъ коридоровъ толпа журналистовъ наткнулась на С. Ю. Витте, шедшаго объ руку съ супругой. Что скажетъ великій государственный мужъ въ эту великую минуту? Просекъ пятнадцать срочныхъ телеграммъ сразу осѣнили 15 корреспондентскихъ головъ, но тутъ же проинтервьюировать графа и предложить ему вопросы никто не рѣшался. И вотъ какая счастливая случайность: графа обгоняетъ одинъ изъ министровъ, — сейчасъ уже забылъ, который, — и Сергій Юльевичъ останавливаетъ его.

— Ваше превосходительство!

— Что угодно, ваше сіятельство?

Пятнадцать паръ ушей наострились до наивысшей степени.

— Вы не знаете-ли, ваше превосходительство, гдѣ тутъ можно покурить? Смертельно курить хочется.

Больше ничего не сказалъ великій государственный мужъ въ великую минуту, и 15 провинциальныхъ корреспондентовъ очутились передъ искушеніемъ — выдумать что-нибудь за него или оставить свои газеты безъ телеграммы. Но тогда, — повторяю, — они были не только корреспондентами, но и гражданами, — и вышли съ честью изъ искушенія, предпочтя послѣднее.

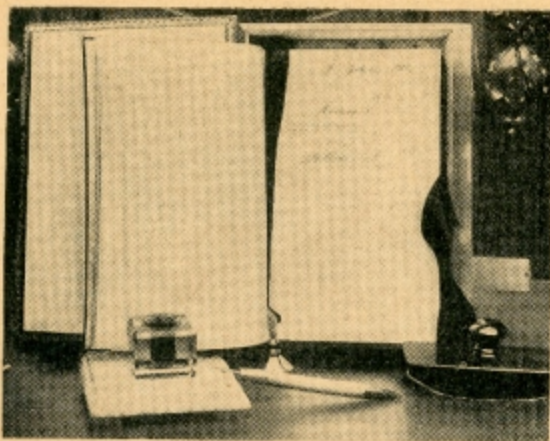
5.

Съѣздъ въ Таврической дворецъ былъ назначенъ на 2 часа. Погода чуть испортилась — сталъ накрапывать дождикъ. Я ѣхалъ на Шпалерную и дивился, какъ уличная толпа безъ ошибочно угадывала депутатовъ. Петербургъ, обычно на улицахъ — точно аршинъ проглотившій, былъ на себя не похожъ въ этотъ день. На Шпалерной чернѣли сплошныя массы народа —

„Ходокъ“.

Частый гость Пирей Дуны.

Золотая книга для Высоких Посланных Госуд. Думы.
На страницах — подписи Государя Императора, послышавшего Думу
9 февраля 1906 г.

оживления, радости, экспансивны. В Думу приходилось пробираться между двух волнующихся ствн, осаживаемых многочисленными нарядами конных и пшнх городовых. Трагическое:

— Осади назад! Честью просят!

провожало депутатов по этому новому пути. Но было и что-то новое, очень новое.

— Прощу-сь! Проходите скорѣе, г. депутат! — говорил конный стражник просто одѣтому депутату от рабочих. — Извольте сами видѣть, какое безобразіе дѣлают!

— А вы бы попробовали не толкать людей конскими задами! — отвѣтил хмуро депутат. — Вот и не было-бы безобразія!

Конный побавровѣлъ, но сдержался, повернул своего буцефала и отѣхал.

— Ну, и форсистые! — процѣдил онъ въ отдаленіи. — Ска-ажите, пожалуйста! — Эй, ты, шляпа, я тебѣ покажу сквозъ цѣпь лѣзть! Ты еще прикосновенный, и въ лучшемъ видѣ!

Часть депутатов отъ Зимняго дворца поѣхала въ Таврической на специальныхъ пароходахъ, присланныхъ финляндской компаніей. Говорили, что когда пароходы шли мимо «Крестовъ», тюрьма встрѣтила ихъ дружнымъ возгласомъ: — Амнистія!

Это же слово стояло и надъ людскою массою, заполнившей всю Шпалерную. Какимъ-то страстнымъ, могучимъ воплемъ вырывалось оно изъ десятковъ тысячъ грудей: — Амнистія! Требуйте амнистія! Амнистія!

Въ перемежку съ депутатами — и даже подавая ихъ количествомъ — текли непрерывнымъ потокомъ и приглашенные на открытіе Думы почетные гости. Это были почетные въ официальномъ смыслѣ — престарѣлые генералы «временъ Очаковскихъ», сановныя лица въ бакахъ, напоминавшие хорошо сохранившуюся мумію, вывѣтрившіяся дамы съ связями «въ сферахъ» и такъ называемые молодые люди изъ хорошихъ домовъ, своего рода сфинксы, ибо никогда нельзя разгадать, что изъ нихъ выйдетъ: департаментскій прометей или альфонсъ, столпъ отечества или червонный палетъ...

Появление всей этой почетной публики, не производило ровню никакого впечатлѣнія. Казалось — я передаю *тогдашнія*, можетъ-быть — очень наивныя мысли, что передъ вами кто-то перелистываетъ комплектъ старыхъ газетъ, въ которыхъ давно уже заглохло всякое бѣніе жизни. И мы, разночинцы, случайные наблюдатели, впервые допущенные въ столь значительный кругъ, не обращали на этихъ фантомовъ никакого вниманія. Депутаты, — вотъ единственно кто интересовалъ насъ. И надо было видѣть, съ какимъ страннымъ чувствомъ — смѣсью страха, не выравленной брезгливости и въ то-же время какого-то невольнаго уваженія, смотрѣли на эту новую силу, на этихъ новыхъ людей медальонные курьеры и лакеи въ пурпурныхъ ливреяхъ, наполнявшие вестибюль...

6.

Неумолчно жукожащимъ роємъ разсыпались по огромнымъ заламъ Таврическаго дворца депутаты, публика, журналисты и служебный персоналъ. Пока въ Екатерининскомъ

залѣ идетъ молебень, мы знакомимся съ новымъ мѣстомъ съ назначеніемъ котораго связаны самыя завѣщныя мечты.

Шумное, радостное новоселье! Все такъ не похоже на то, что было раньше, такъ необычно въ самомъ существѣ! Для всѣхъ — депутатовъ, журналистовъ, министровъ — одинъ общій подъѣздъ, общій буфетъ и кулуары. Смотришь на этихъ мужичковъ въ корректныхъ сюртукахъ, тихо прохаживающихся въ пестрой толпѣ, и мысль какъ-то не можетъ обнять, что это — министры, главноуправляющіе, важныя особы, которыхъ не достанешь рукой... Какъ? Министры — и не овъ грозъ и бурь? И вокругъ — нѣтъ трепета и ни одной застывшей въ блаженной покорности физиономіи? Не вбрытис! Не такъ російскій обыватель привыкъ до сихъ поръ встрѣчать этихъ олимпійскихъ жителей!..

Въ боковыхъ залахъ — много озабоченныхъ женскихъ голосовъ: это — стенографистки, которымъ сегодня — вмѣстѣ съ депутатами — предстоитъ первый дебютъ. Шесть будутъ записывать одновременно, мѣняясь черезъ каждыя 5 минутъ.

Близъ вышшняго подъѣзда — почта и телеграфъ. Окнашки ихъ осаживены депутатами и корреспондентами — и-о, удивленіе! — куда дѣлся этотъ неповоротливый унылый чиновникъ, озлобленный на весь міръ и презирающій свое дѣло? Передъ нами — штатъ живыхъ, исполнительныхъ, любезныхъ людей, толково и быстро работающихъ въ общемъ подъемѣ.

Рядомъ съ почтой — не слишкомъ большой уголокъ, отгороженный досчатыми стѣнами, много не доходящими до потолка. Это — временный бивакъ, отведенный для «Бюро печатна». Здѣсь шумно и людно, непрерывно звонитъ телефонъ, шелкаютъ ундервуды, лихорадочно пишутъ на блокнотахъ. На концѣ деревяннаго некрашеннаго стола — совѣщаніе президіума бюро о какихъ-то важныхъ вопросахъ дня. На стѣнахъ — добрый десятокъ оповѣщеній. На полу еще валяются стружки. Хаотическое рожденіе новыхъ формъ, столь непримичныхъ и столь непохожихъ на вчерашнее прозябаніе. Отъ всего этого — нервы приподняты, а на душѣ — и радостно, и легко.

Прохожу въ чайный буфетъ. За каждымъ столикомъ группы, маленькіе митинги, — и все имена, имена... Вотъ Родичевъ, вотъ Ковалевскій, Набоковъ, Долгоруковъ, Шаховской... Вотъ эс-деки и трудовики съ красными гвоздиками въ петлицахъ... Вотъ въ лиловой скуфѣ епископъ фон-дер-Роопъ, вотъ суровый и косматый отецъ Гума — такъ долженъ былъ выглядѣть строгивый протопопъ Аввакумъ, тамъ — Шмарія Левинъ, депутатъ города Вильны, вдохновенный сіонистъ... Какое слово, какой вопль земли принесли эти люди въ этотъ вновь ожившій домъ великолѣпнаго князя Тавриды?..

Дребезжитъ звонокъ — одновременно во всѣхъ концахъ зданія: сейчасъ засѣданіе будетъ открыто. Звонокъ зоветъ къ первой минутѣ реальнаго бытія русскаго парламента.

Съ шумомъ отодвигаются стулья — и живой потокъ устремляется въ бѣлый залъ.

На порогѣ ложи журналистовъ, — тѣснота, превосходящая всякое вѣроятіе, — я чувствую никогда неиспытанное волненіе. Смотрю на товарищей: какъ странно! у всѣхъ — горящіе глаза и блѣдныя лица!.. Въ этой чуткой тишинѣ, кажется, слышишь бѣніе собственного сердца.

Постепенно въ залѣ стихаетъ шумъ. Маститый Фришъ — какая подходящая къ моменту фамилія! — направляется къ трибунѣ, чтобы открытъ Государственную Думу. Явственно раздаются его шаги. Это идетъ — Исторія...

— «Не было! Ничего не было!» — угромо твердитъ обыватель, пережившій иллюзіи и растерявшій золотые сны...

Цѣль этихъ строкъ — сказать забывшимъ и малодушнымъ: — И было — и будетъ!

Ходъ исторіи можетъ замедляться, но назадъ — она никогда не идетъ.

Скиталецъ — Яковлевъ.

О Муромцевѣ.

Въ выпущенной въ 1911 г. группой близкихъ политическихъ друзей С. А. Муромцева книгѣ воспоминаній о незабвенномъ первомъ предсѣдателѣ I Госуд. Думы находимъ нѣсколько любопытныхъ штриховъ о личности С. А. Муромцева. Въ день открытія I Думы, вечеромъ 27 Апрѣля, въ квартирѣ члена Думы М. М. Винавера собрались человѣкъ 10 — 15 для рѣшенія неотложныхъ вопросовъ. Вечеръ былъ почти лѣтній — іюльскій; всѣ успѣли пообѣдать, отдохнуть, и около 10 часовъ стали засѣдать. Черезъ часъ звонокъ: появляется предсѣдатель Думы во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, все еще

Ходок у депутата (въ саду Таврическаго дворца).

Сним. г. Ольшанскаго.

сіяющий тѣмъ же свѣтомъ глубокаго внутренняго восторга, въ какомъ сходилъ первый разъ съ трибуны Думы.

— Что это? Откуда?

— Изъ канцеляріи Думы, надо же было все устроить, наладить: я и предпочелъ остаться и все сдѣлать. Только накормите ради Бога; съ утра ничего не ѣлъ.

Часть былъ поздній: оказавшаяся подъ рукою скромная закуска послужила трапезою перваго председателя Первой Думы, въ первый день его избранія.

Одному изъ интервьюеровъ С. А. Муромцевъ однажды высказалъ свое сгredo: «въ нѣкоторые моменты жизни нашей Первой Думы, члены ея, особенно крестьяне, не разъ обращались ко мнѣ съ просьбой: «вы бы сѣздили куда слѣдуетъ, объяснили бы».

Я категорически отказывался, такъ какъ такое совмѣстительство функций у председателя не считалъ конституціоннымъ.

Когда послѣ роспуска I Государственной Думы всѣ депутаты собрались въ Выборгѣ и въ залъ гостиницы вошелъ Муромцевъ, какъ всегда—въ черномъ сюртукѣ, какъ бывалъ въ Думѣ, но въ рукахъ пальто и палка, руки въ черныхъ перчаткахъ, Петрункевичъ предложилъ просить Муромцева председательствовать. Весь залъ поднялся и непрерывающейся бурей аплодисментовъ, стоя, приветствовалъ появившагося у скромнаго столика председателя I-й Думы. Муромцевъ, взволнованный, какимъ никто его ранѣе не видалъ, сказалъ дрожащимъ голосомъ: «Господа, этотъ приемъ доказываетъ, какъ крѣпко мы связались за то время, что мы вмѣстѣ прожили»... Тутъ онъ какъ-будто еще хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукою и закончилъ: «впрочемъ, довольно: слова излишни—къ дѣлу!» И затѣмъ, подавивъ волненіе, повелъ за сѣданіе...

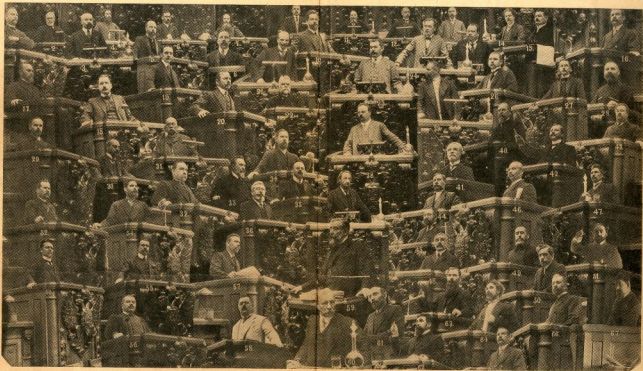
Въ замѣткахъ, оставленныхъ послѣ себя С. А. Муромцевымъ имѣются указанія, свидѣтельствующія о томъ, что не разъ дѣлались попытки привлечь его къ предварительному обсужденію вопроса о «кадетскомъ» министерствѣ.

Первое предложеніе въ этомъ смыслѣ было сдѣлано С. А. въ іюнѣ 1906 г. генераломъ Треповымъ, который горячо принялся за подготовку этой комбинаціи. Но С. А. эту политику отклонилъ. Затѣмъ, «по желанію двухъ-трехъ сановниковъ» С. А. «бесѣдовалъ съ ними у себя о томъ же». По его словамъ, нѣкоторые изъ сановниковъ показывали себя сторонниками чистаго кадетскаго министерства, другихъ надо было въ этомъ убѣждать.

Далѣе по прямой просьбѣ А. С. Ермолова, имѣвшаго специальное порученіе, С. А. устроилъ ему у себя же, на Николаевской ул., свиданіе съ П. Н. Милоковымъ, «открывъ имъ такимъ образомъ возможность обмѣняться своими взглядами на означенный предметъ». Наконецъ, тов. министра С. Е. Крыжановскій, посѣщая С. А. по дѣламъ службы, по словамъ послѣдняго, «дважды заявлялъ о желательности для П. А. Столыпина встрѣчи съ С. А. въ какомъ-либо нейтральномъ мѣстѣ». Но это въ исполненіе приведено не было.

Между прочимъ, С. А. сообщаетъ, что С. Е. Крыжановскій высказалъ воззрѣніе своего шефа о полной желательности и возможности занятія министерскихъ мѣстъ кадетами, при томъ, однако, непремѣнномъ условіи, чтобы министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ вѣдающее охраной, оставалось въ рукахъ Столыпина или вообще бюрократа.

Членъ I Думы Ледницкій рассказываетъ о пребываніи 14 депутатовъ I-й Думы, осужденныхъ за выборгское возваніе, въ Москвитинской тюрьмѣ «Каменщики». Отбывали наказаніе: С. А. Муромцевъ, кн. Петръ Долгоруковъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ,

Говорятъ...

Ораторы четырехъ Думъ (Многие изъ нихъ, стоявшихъ во время кризиса на посту главы с. п. рабочей казёны).

1. Потаповъ, 2. Н. М. Гавриловъ (117), 3. М. М. Мухоморовъ, 4. П. Мухоморовъ, 5. Г. Г. Гавриловъ (117), 6. П. Мухоморовъ, 7. А. Андреевъ, 8. Д. А. Мухоморовъ, 9. С. С. Савинъ, 10. А. Н. Шумкинъ (117, 118, 119), 11. А. А. Мухоморовъ (117, 118), 12. Н. Н. Рязановъ (117), 13. Н. Н. Тихоновъ (117), 14. Г. Мухоморовъ (117), 15. М. А. Шумкинъ (117), 16. А. А. Мухоморовъ (117), 17. П. Мухоморовъ (117), 18. А. А. Мухоморовъ (117), 19. П. Мухоморовъ (117), 20. А. А. Мухоморовъ (117), 21. П. Мухоморовъ (117), 22. А. А. Мухоморовъ (117), 23. А. А. Мухоморовъ (117), 24. А. А. Мухоморовъ (117), 25. А. А. Мухоморовъ (117), 26. А. А. Мухоморовъ (117), 27. А. А. Мухоморовъ (117), 28. А. А. Мухоморовъ (117), 29. А. А. Мухоморовъ (117), 30. А. А. Мухоморовъ (117), 31. А. А. Мухоморовъ (117), 32. А. А. Мухоморовъ (117), 33. А. А. Мухоморовъ (117), 34. А. А. Мухоморовъ (117), 35. А. А. Мухоморовъ (117), 36. А. А. Мухоморовъ (117), 37. А. А. Мухоморовъ (117), 38. А. А. Мухоморовъ (117), 39. А. А. Мухоморовъ (117), 40. А. А. Мухоморовъ (117), 41. А. А. Мухоморовъ (117), 42. А. А. Мухоморовъ (117), 43. А. А. Мухоморовъ (117), 44. А. А. Мухоморовъ (117), 45. А. А. Мухоморовъ (117), 46. А. А. Мухоморовъ (117), 47. А. А. Мухоморовъ (117), 48. А. А. Мухоморовъ (117), 49. А. А. Мухоморовъ (117), 50. А. А. Мухоморовъ (117), 51. А. А. Мухоморовъ (117), 52. А. А. Мухоморовъ (117), 53. А. А. Мухоморовъ (117), 54. А. А. Мухоморовъ (117), 55. А. А. Мухоморовъ (117), 56. А. А. Мухоморовъ (117), 57. А. А. Мухоморовъ (117), 58. А. А. Мухоморовъ (117), 59. А. А. Мухоморовъ (117), 60. А. А. Мухоморовъ (117), 61. А. А. Мухоморовъ (117), 62. А. А. Мухоморовъ (117), 63. А. А. Мухоморовъ (117), 64. А. А. Мухоморовъ (117), 65. А. А. Мухоморовъ (117), 66. А. А. Мухоморовъ (117), 67. А. А. Мухоморовъ (117).